

DOI: 10.31696/S086919080035833-3

МАЛАЙСКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЯВЫ XIX – НАЧАЛА XX вв.

© 2025

Л.В. ГОРЯЕВА ^а

^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-4744-6005; goriaeva@mail.ru

Резюме: Важнейшей составляющей письменного наследия народов островной Юго-Восточной Азии (Нусантары) является литература на малайском языке. Будучи родным языком меньшинства, он одновременно служил средством межэтнического общения. По решению колониальных властей владение малайским языком считалось обязательным для европейцев – сотрудников государственного аппарата, расквартированного на Яве, центре политической и экономической жизни Нидерландской Ост-Индии. С этой целью в 1819 г. в Батавии (Джакарте) был создан Объединенный Секретариат (*Algemeene Secretarie*), где силами местных переписчиков создавались копии специально отобранных рукописей. Изучающие язык получали возможность познакомиться с самыми разными жанрами малайской словесности. Одновременно на Яве росла сеть народных библиотек, так называемых «садов-читален». В соответствии со вкусами публики, в них преобладали рукописи волшебного-авантюрного содержания, в том числе истории из репертуара театра ваянг и иные, доисламские по духу, сочинения. Наряду с библиотеками возникали частные книжные собрания, служившие основным источником заработка для их владельцев. Одной из наиболее ярких страниц истории «садов-читален» Батавии стала деятельность на этой ниве четырех поколений семейства Фадли, продлившаяся с 1840-х до 1910-х гг. Их библиотека включала в себя не только литературу вымысла, но и стихотворные документальные сочинения (*шаиры*), откликающиеся на события недавней истории. Виднейшую роль в развитии библиотечного дела на Яве сыграли также китайцы-мусульмане. При их активном участии появились первые переводы на малайский язык произведений мировой литературы, в том числе и китайской, внедрялась техника литографии, латинская графика, а к концу XIX в. – наборная печать. Уже в XX в. книжная культура, сложившаяся на основе малайской рукописной традиции совместными усилиями ряда разнородных, но не противостоящих друг другу сил, заложила основы для их интеграции в составе новой национальной общности – народа Индонезии.

Ключевые слова: Индонезия, малайский язык, рукописная традиция, китайская диаспора, народные библиотеки

Для цитирования: Горяева Л.В. Малайская словесность в коммуникативном пространстве Явы XIX – начала XX вв. *Восток (Oriens)*. 2026. № 1. С. 164–172. DOI: 10.31696/S086919080035833-3

MALAY LITERATURE IN THE COMMUNICATIVE SPACE OF JAVA
IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

© 2026

Liubov V. GORIAEVA^a^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-4744-6005; goriaeva@mail.ru

Abstract: Malay literature is and has always been an essential component of Island Southeast Asia's written heritage. Although a minority language, Malay usually served as a means of inter-ethnic communication. Knowledge of Malay was considered essential for officials working in the government structures in Java. In 1819, the United Secretariat was established in Batavia to support this initiative. Local scribes copied selected manuscripts, providing students with access to a wide range of genres. At the same time, public libraries or "reading gardens" were established in Java. In accordance with the tastes of audience, fantasy and adventure stories were in the greatest demand. Along with libraries, private book collections emerged. One of the most significant chapters in the history of Batavia's "reading gardens" was the work of the Fadli family, spanning four generations from the 1840s to the 1910s. Their collection included not only fiction but also poems (shairs) about recent historical events. Muslim Chinese also played a significant role in the development of librarianship in Java. With their input, by the late 19th century, the first translations of world literature works, including Chinese ones, into Malay had been published. They introduced lithographic techniques and helped to develop typesetting. In the 20th century, the book culture developed on the basis of the Malay manuscript tradition, through the joint efforts of various forces. These forces, though diverse, worked in accordance with each other. Together, they laid the foundation for the integration of different groups into a new national community – the people of Indonesia.

Keywords: Indonesia, Malay language, manuscript tradition, Chinese diaspora, community reading parks

For citation: Goriaeva L.V. Malay Literature in the Communicative Space of Java in the 19th – Early 20th Centuries. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 1. Pp. 164–172. DOI: 10.31696/S086919080035833-3

Исследователи письменного наследия народов, населяющих обширные территории современной Индонезии, с давних пор обращали свое внимание на значительное преобладание в нем памятников на малайском языке. Прежде всего, это касается самого густонаселенного острова архипелага – Явы, центра политической и культурной жизни страны. По данным каталога книжной коллекции Лейденского университета и других собраний Нидерландов, количество малайских рукописей в этих хранилищах в четыре раза превышало совокупное число манускриптов на яванском и сунданском языках, родных для большинства жителей Явы [Wieringa, 1998, p. 5]. О том же свидетельствует и сводный каталог, созданный на основе данных из всех рукописных хранилищ мира [Chambert-Loir, Fathurahman, 1999, p. 131–171].

Отметим сразу, что численность этнической группы, для которой малайский язык исходно являлся родным (собственно малайцев), отнюдь не велика: по некоторым оценкам, она едва ли превышает 4 % населения Индонезии. Однако, как язык морских побережий Нусантары – островной Юго-Восточной Азии, он был понятен подавляющему большинству жителей страны. С приходом ислама и мусульманской традиции возникает малайская

версия арабского алфавита (*джави*). Первые рукописи в этой графике появились к концу XVI в., и в дальнейшем их число непрерывно росло. Это были не только книги «сферы пользы» – дидактические и богословские труды (китабы), повести о пророках и корифеях ислама, – но и сочинения занимательного характера, широко использующие, в частности, доисламские сюжетные мотивы.

В развитии книжной культуры Нусантары начало XIX в. стало поворотным этапом. Этому способствовали два фактора, на первый взгляд, не связанных напрямую друг с другом. Прежде всего упомянем политику голландских властей, стремящихся обеспечить быстрейшее экономическое развитие центра и с этой целью свозивших на северо-запад Явы рабочую силу из всех провинций архипелага. Итогом тому стало появление некоего квази-этноса – народа *бетави*, жителей Батавии (Джакарты) и ее окрестностей¹.

Историю образования этого социума подробно рассмотрел британский политолог Бенедикт Андерсон (1936–2015) – знаток истории и культуры Нусантары, исследователь национализма как культурного феномена. В своей книге «Воображаемые сообщества» он отметил «медленное и по большей части непредусмотренное рождение странного государственного языка – *dienstmaleisch* (служебный малайский) на базе древнего межостровного *lingua franca*» (т.е. малайского. – Л.Г.), который к началу XIX в. прочно закрепился в бюрократическом аппарате» [Андерсон, 2016, с. 223]. Обогащенный лексикой из других наречий, этот язык обрел в быту горожан свою «сниженную» версию – так называемый «базарный малайский» (*Melayu Pasar*) или «яванско-малайский» (*Java-Maleisch*) [Kozok, 2016, p. 2].

ПЕРВЫЙ ОПЫТ «ПРАКТИЧЕСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ»

Численность «народа *бетави*» неуклонно росла, но об освоении им голландского языка не могло идти и речи. Единственно возможным решением проблемы общения с этой группой населения стало обучение чиновников-европейцев малайскому языку. Учебным материалом для них должны были служить книги.

С этой целью в 1819 г. по инициативе генерал-губернатора Голландской Ост-Индии, барона Годерта Ван дер Капеллена, в Батавии был учрежден так называемый Объединенный Секретариат (*Algemeene Secretarie*), где силами местных переписчиков создавались копии специально отобранных рукописей [Muhajir, 2002, hal. 2–3]. Согласно традиции, имена лиц, выполнявших эту работу, обычно указывались на первой странице манускрипта, либо же в колофоне [Rukmi, 1997]. В сводном списке рукописей фигурируют имена таких копиистов, как Тамби Абдулкадир, Абдуллах, Мухаммад Сулейман [Voorhoeve, 1980, p. 74, 76].

Из дошедшего до нас каталога явствует, что сотрудники Секретариата отдавали приоритет книгам духовного содержания: Корану и его богословскому толкованию (*тафсир*), трудам мусульманских авторов Нусантары и других стран Востока в малайских переводах [Voorhoeve 1980, p. 71–77]. По сути дела, именно с этих сочинений и началась как таковая малайская письменная традиция в графике *джави*. Наиболее ранним ее образцом принято считать рукопись XVI в., содержащую арабский текст вероучительного трактата XII в. «Акаид», принадлежащего перу исламского богослова и правоведа Абу Хафса ан-Насафи, с подстрочным переводом на малайский [Al-Attas, 1988]. Книги подобной тематики составили более половины списка текстов из собрания Секретариата.

Одновременно его создатели давали читателям возможность познакомиться с самыми разными жанрами малайской словесности. Отбирая тексты для копирования, они вольно или невольно следовали путем неизвестных авторов (компиляторов) малайской обрам-

¹ По численности населения, ныне превышающей 11 млн. человек, эта агломерация занимает пятое место в Азии.

ленной «Повести о Бахтиаре». Так называемая «краткая» версия этого памятника была близка к своему прототипу – персидской «Бахтиар-наме», где рамочный сюжет свел воедино ряд историй, каждая из которых на свой лад рассказывала о вреде поспешных решений. Напротив, «длинная» версия «Повести» хранила под этой рамкой множество малых нарративов самой разнообразной тематики – в некоторых списках их число исчислялось десятками [Повесть о Бахтиаре, 1989, с. 7–17]. Схожее впечатление производит и сводный каталог рукописей Секретариата. В нем нашли свое место (полностью и в отрывках) и исторические хроники малайских княжеств (Малакки, Банджара, Джохора), и зеркала для правителей («Корона царей» Бухари ал-Джаухари и «Сад царей» Нуруддина ар-Ранири), и, наконец, волшебные-авантюрные романы (*хикайат*), восходящие к фольклорной и, по преимуществу, доисламской традиции малайского мира.

РОЖДЕНИЕ МАССОВОГО ЧИТАТЕЛЯ

По вполне понятным причинам именно остросюжетные сочинения пользовались наибольшим спросом у грамотных горожан, посетителей народных библиотек – так называемых «садов-читален» (*taman bacaan*). Первые из них появились на Яве уже в 1790-х гг., и к началу XIX в. их число заметно возросло. Ряд сведений о «садах-читальнях» можно почерпнуть из маргиналий и колофонов дошедших до нас манускриптов. Там лиц, бравших рукопись на дом, призывали, например, «не портить книгу пятнами от жевания бетеля или маслом от лампы». Некоторые тексты представляли собой письменные версии устных преданий или пьес театра плоских кожаных кукол, что явствует из следующей ремарки: «Эта история была позаимствована у кукловода *ваянга* и перенесена на бумагу с целью её сберечь и дать возможность перечитывать её снова и снова» [Chambert-Loir, 1984, p. 195].

В народных библиотеках рукописи не только выдавались на дом, но и читались вслух перед более или менее широкой аудиторией. Эта практика снова отсылает нас к традиции театра *ваянг*, где кукловод-*даланг*, манипулирующий куклами, одновременно озвучивал их диалоги, комментировал ход событий и руководил оркестром – *гамеланом*. Поскольку в Нусантаре репертуар *ваянга* не утрачивал популярности вплоть до конца XIX в., в «садах-читальнях» сюжеты его пьес (в ряду других нарративов) обретали форму книг для публичного чтения [Chambert-Loir, 2013, p. 99–101].

За спросом следовало предложение: одновременно с «садами-читальнями» появились и копиисты-одиночки, дававшие книги напрокат. Об этом свидетельствуют колофоны рукописей, где указывалось имя владельца, место его проживания и подневная стоимость предоставленной услуги [Rukmi, 1997]. Некоторым из них – например, вдовам – подобное занятие служило главным источником дохода, и порой они в колофоне обозначали себя прозвищами: Тётушка из квартала Сембора, Приемная Мать из квартала Пелуит [Muhajir, 2002, hal. 3]. На бедность некоего владельца и переписчика рукописи недвусмысленно указывала, например, такая ремарка: «Сердечно благодарю тех, кто возьмет эту книжку напрокат, узнав, что подневная плата – всего-навсего десять сен². Надеюсь, что читатели поймут, как усердно я работаю, засиживаясь допоздна. А чтобы прокормить семью, в моем распоряжении есть только масляная лампа и бумага. С юных лет мне не везло с поиском работы, и я живу в основном за счет матери. Поэтому, надеюсь, вы согласитесь платить мне за труд по десять сен в день» [Chambert-Loir, 2013, p. 11].

² Сен – 1/10 часть рупии.

ПОСЛЕДНЕЕ ПОКОЛЕНИЕ МАЛАЙСКИХ КОПИИСТОВ

Между тем практика переписывания книг от руки не сдавала своих позиций: число их читателей непрерывно росло. Сыграл свою роль и такой объективный фактор, как климат экваториальной Азии, препятствующий длительной сохранности манускриптов. Свидетельством тому служит электронный конкорданс произведений малайской литературы XIV–XX вв. – *Malay Concordance Project* [Proudfoot, 1991], где, в частности, указано предполагаемое время создания исходной версии того или иного памятника, а также датировка реально дошедшей до нас копии. Об особенностях становления и развития книжной культуры в Нусантаре говорило и происхождение того или иного письменного источника, и его жанровая принадлежность.

Составитель конкорданса Й. Праудфут счел возможным отнести к XIV и XV вв. шесть наиболее ранних текстов, однако фактически исконно-малайскими (то есть не переводами или переложениями с персидского или арабского) были лишь два из них. С течением времени доля сочинений, имевших бесспорно местное происхождение, существенно возросла. В их числе упомянем малайские прозаические переработки «Рамаяны» и «Махабхараты», хроники и правовые кодексы княжеств Нусантары и, не в последнюю очередь, литературу «сферы красоты», то есть беллетристику. Переломным моментом этого процесса можно считать рубеж XVIII–XIX вв., эпоху появления массового читателя и народных библиотек.

Не будет преувеличением сказать, что в Новое время одним из самых заметных очагов культуры Батавии была упомянутая выше библиотека семьи Фадли, просуществовавшая более полувека – с 1840-х до 1900-х гг. К началу XX в. численность её фонда составляла 75 единиц. Четыре поколения копиистов переписывали наново трудночитаемые и ветшающие рукописи, поскольку более половины библиотеки составляли сочинения, пользовавшиеся наибольшим спросом: волшеббно-авантюрные романы, письменные версии сюжетов *ваянга*, доисламские истории о принце Панджи [Chamber-Loir, 2013, p. 24–27]. Одновременно члены семьи Фадли были не чужды авторства.

Примером тому может служить судьба одного из самых ранних манускриптов этой библиотеки – «Повести о махарадже Маракарме», ныне хранящейся в собрании Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург) под кодом С 1967 и датированной 1848 г. Её автором был не упомянутый по имени член семейного клана Фадли³. Сюжет памятника представлял собой продолжение известнейшего малайского волшеббно-авантюрного романа «Повесть о Бедняке» [*Hikayat Si-Miskin*, 1897]. Судя по всему, неназванный автор рукописи под кодом С 1967 решил сыграть на популярности «Повести о Бедняке» у читателей и сочинил историю о приключениях нового поколения её героев.

Его замысел удался. Книга имела успех у читателей, поэтому в 1909–1912 гг. представитель младшего поколения семьи, Ахмад Берамка, заново скопировал текст «Повести», разделив его на две части – рукописи В 2506 и D 450. Эти манускрипты, кстати, оказались важным подспорьем в процессе нашей работы над изданием на латинице текста С 1967 и его перевода на русский, поскольку начальные страницы этого манускрипта, несмотря на соблюдение библиотекой всех правил хранения, уже читались с трудом [*Повесть о махарадже Маракарме*, 2008, с. 10–14].

Помимо сочинений волшеббно-авантюрного жанра (43 ед.), пользовавшихся наибольшим спросом у читающей публики, в состав библиотеки семьи Фадли входили также мусульманские дидактические сочинения (8 ед.), басни (15 ед.) и, наконец, поэмы, где описывались исторические события, в том числе и совсем недавние (9 ед.). Очевидно, что

³ По мнению А. Шамбер-Луара, таковым являлся Сапирин б. Усман [Chamber-Loir, 2013, p. 25], однако последний, по данным того же источника, активно работал много позднее – в 1858–1885 гг.

занимательность книг была решающим фактором при формировании фонда библиотеки. «Идейная выдержанность» книг, в особенности остросюжетных, отнюдь не стояла на первом месте: многие из них носили отчетливо доисламский характер и были подвергнуты лишь поверхностной редактуре.

Завершающим этапом истории семьи Фадли стала деятельность Ахмада Берамки – младшего из отпрысков клана: по имеющимся данным, она относилась к периоду 1906–1909 гг. Наряду с В 2506 и D 450 (копиями рукописи С 1967 «Повести о махарадже Маракарме») в Санкт-Петербургском собрании хранятся еще семь манускриптов, написанных его рукой. Берамка был не только копиистом, но и плодовитым автором, хотя само понятие об авторстве в данном конкретном случае требует уточнения.

Упомянем здесь принадлежащую его перу «Поэму о русско-японской войне» (1906) [Брагинский, Болдырева, 1977, с. 160–161], а также восемь поэм-*шаиrow*, посвященных тем или иным новостям местного характера – таким, например, как ограбление Яванского банка в 1902 г. Этот драматический эпизод нашел отражение не только в поэме Ахмада Берамки, но и в творчестве его современника, Фердинанда Виггера (1862–1912) – переводчика, писателя и журналиста индо-голландского происхождения [Agung Dwi Ertato, 2012].

Шаир, написанный Ф. Виггерсом по горячим следам этого нашумевшего события, оказался единственным опытом его работы в поэтическом жанре. С именем его отца, Е.Ф. Виггера, было связано появление первых газет на малайском языке: «Западной звезды» (Bintang Barat) и «Звезды Батавии» (Bintang Betawi). Фердинанд продолжил его дело, работая в таких изданиях, как «Вестник Батавии» (Berita Betawi) «Знамя Голландии» (Bandera Wolanda), «Цветник» (Taman Sari). Сами названия историй с продолжением, публикуемых на их страницах, говорят о том, что у читателей газет жанр занимательной прозы был столь же популярен, как и у посетителей народных библиотек. Любая сенсация (в данном случае – новость об ограблении банка) также проходила на «ура». В написании *шаира* соавтором Виггера выступил некий китаец-*перанакан*, известный лишь по инициалам Y.L.M. [Chambert-Loir, 2014, p. 342–345]. Для самого же Ф. Виггера, как и для А. Берамки, источником информации послужили газеты.

МАЛАЙСКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ И КИТАЙЦЫ

Одну из главных ролей в развитии малайской книжной культуры на Яве сыграла китайская диаспора, точнее, китайцы-*перанакан* – потомки смешанных браков мужчин-китайцев с индонезийками, исповедовавшие ислам. Массовое появление на архипелаге мусульман из числа этнических китайцев принято связывать с именем прославленного адмирала империи Мин – Чжэн Хэ, мусульманина по рождению, совершившего ряд экспедиций в Нусантару в период между 1405 и 1430 гг. В кругу его спутников присутствовало немало китайцев, исповедовавших ислам, среди которых особо следует упомянуть Хаджи Ма Хуана – секретаря и переводчика Чжэн Хэ, участника всех его экспедиций, автора книги «Увлекательный рассказ о прибрежных областях Океана» (Amen Budiman, 1979). В честь прославленного флотоводца на Яве строились мечети и воздвигались памятники, что раз и навсегда сделало Чжэн Хэ неотъемлемой частью духовной культуры Индонезии [Levathes, 1966, p. 190] и в немалой мере содействовало упрочению социального статуса китайских мусульман.

Для их соотечественника-немусульманина, посетившего Батавию в конце XVIII в., наблюдения за бытом китайцев, исповедующих ислам и придерживающихся принятого у яванцев образа жизни, стали настоящим шоком. Он с неудовольствием констатировал: «Когда китайцы живут вдали от родины на протяжении нескольких поколений, они становятся глухи к наставлениям китайских мудрецов; в еде и одежде подражают местным

уроженцам, читают книги на их языке и без зазрения совести именуют себя яванцами и мусульманами (Сит-лам), отказываются употреблять в пищу свинину и приобретают прочие привычки, присущие здешним жителям» [Ong Tae Hae, 1849, p. 33]⁴.

В кругу любителей чтения эта группа населения находилась отнюдь не на последних ролях. Это явствует из записи, сделанной Мухаммадом Бакиром, хозяином упомянутой выше библиотеки семьи Фадли, расположенной в китайском квартале Батавии – Печенонгане. На последней странице рукописи «Повести о Сери Раме» (малайской версии «Рамаяны»). Бакир, в частности, указал: «Пусть читает эту книгу любой, будь то *баба* и *нона* (китаец с китайкой), или мой соплеменник, или *господин* и *госпожа* (так именовались потомки от браков европейцев с местными уроженками), не говоря уже о тех, кто побогаче» [Chambert-Loir, 2013, p. 21].

Одним из выдающихся представителей социума китайцев-перанакан был копиист Мухаммад Чин Саидуллах – сотрудник Объединенного Секретариата. Параллельно с работой для нужд этой организации, он скопировал для себя не менее 14 рукописей, которые намеревался оставить в наследство сыну как потенциальный источник дохода [Chambert-Loir, 2006, p. 371]. Однако едва ли не ведущее место среди всех сфер деятельности китайской диаспоры безусловно занимала организация уже упомянутых народных «садов-читален», где были собраны книги на малайском языке.

К концу XIX в. рост численности читающих повлек за собой целый ряд перемен: расширялись фонды библиотек, на книжном рынке стали появляться малайские переводы наиболее известных сочинений мировой литературы, в том числе и китайской. Достоинством китайцев-перанакан, занимавшихся книжным бизнесом, была их восприимчивость ко всему новому: начиная с 1830-х гг. они внедряли в Нусантаре распространившуюся в Европе технику литографии, в 1870-х гг. – латинскую графику, а в последние десятилетия XIX в. – наборную печать [Lombard, 1990, p. 210–211].

«ПЕЧАТНЫЙ КАПИТАЛИЗМ»

В книге «Воображаемые сообщества» Бенедикта Андерсона указано, что язык Батавии стал литературным еще в допечатную эпоху. К концу XIX в. малайский подтвердил свой статус в масштабе всей страны, став языком книгоиздания и периодики, «отшлифованным» двумя поколениями писателей, профессиональных копиистов и читателей-горожан. Исследователь назвал этот культурный феномен «печатным капитализмом» [Андерсон, 2016, с. 222–224]. Перечислим те его особенности, которые на долгие годы предопределили главные векторы культурного развития Индонезии.

1. Язык литературы – малайский, язык этнического меньшинства, понятный всем читающим и использующий модифицированный арабский алфавит (*джави*), а позднее – латиницу.

2. Этнические группы, стоявшие у истоков книжного дела на Яве: голландцы, китайцы, народ *бетави*.

3. Сады-читальни на Яве – фактор формирования массовой городской культуры.

4. Жанровое и тематическое разнообразие фондов народных читален, преобладание сочинений с занимательным сюжетом.

Как можно заметить, рождение и рост культуры книги на Яве не были отмечены доминированием той или иной социальной, этнической, или конфессиональной группы. Напротив,

⁴ Вопрос о месте, занимаемом китайской диаспорой в экономической, политической и культурной жизни Нусантары, подробно рассмотрен в работе Д. Ломбара и К. Сальмона «Ислам и “китайскость”» [Lombard, Salmon, 1977, p. 115–131].

этот процесс развивался в атмосфере сотрудничества самых разных слоев общества, не противопоставлявших себя друг другу. Ключевую роль здесь играл малайский язык.

Согласно концепции Б. Андерсона, язык по природе своей инклюзивен, т.е. служит фактором сплочения социума. В дальнейшем, обретя статус печатного языка, он порождает национализм [Андерсон, 2016, с. 225]. В Нидерландской Ост-Индии таковым стал малайский, и народные библиотеки сыграли в этом решающую роль. В 1928 г. молодежная организация «Молодая Индонезия» приняла этот язык в качестве национального, назвав его *bahasa Indonesia* – «индонезийским» и предопределила тем самым его дальнейшую судьбу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С.П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016 [Anderson B. *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. V. Nikolaev (tr.), S.P. Bankovskaya (preface). Moscow: Kuchkov pole, 2016 (Russian translation)].

Брагинский В.И., Болдырева М.А. Описание малайских рукописей в собрании Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. *Малайско-индонезийские исследования. Сборник статей памяти академика А.А. Губера*. М.: Наука, 1977. С. 131–167 [Braginsky V.I., Boldyreva M.A. Description of Malay manuscripts in the collection of the Leningrad branch of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences. *Malayo-Indonesian studies. Collection of articles in memory of Academician A.A. Huber*. Moscow: Nauka, 1977. Pp. 131–167 (in Russian)].

«Повесть о Бахтияре». Пер. с малайского. Введение в изучение памятника, перевод, приложения, примечания Л.В. Горяевой. М.: Наука, 1989 [“*The Tale of Bakhtiar*” Translated from Malay. L.V. Goryaeva (tr., comm.) Moscow: 1989 (in Russian)].

«Повесть о махарадже Маракарме». Факсимиле рукописи, транслитерация, перевод с малайского, исследование, комментарии, приложения Л.В. Горяевой. М.: Восточная литература, 2008 [“*The Tale of Maharaja Marakarma*.”. L.V. Goryaeva (tr., comm.) Moscow: Vostochnaya literatura, 2008 (in Russian)].

Agung Dwi Ertato. *Iman dan Tanah Air Eka Budinanta: Sebuah Monografi*. Jakarta: Taman Belajar Eugenia, 2012. 102 p.

Al-Attas Syed Muhammad Naquib (ed.). *The Oldest Known Malay Manuscript: A 16th Century Malay Translation of The Aqa'id of Al-Nasafi*. Kuala Lumpur: Department of Publications, University of Malaya, 1988.

Chambert-Loir H. Muhammad Bakir. A Batavian Author and Scribe of the nineteenth century. *Review of Indonesian and Malayan Affairs*. 1984. No. 19. Pp. 44–72.

Chambert-Loir H., Fathurahman O. *Khazanah Naskah: Panduan Koleksi Naskah-naskah Indonesia Sedunia*. Naskah dan Dokumen Nusantara, Seri XVI. World guide to Indonesian manuscript collection. Jakarta: Yayasan Obor Indonesia, 1999.

Chambert-Loir H. Malay Colophons. *Indonesia and the Malay World*. 2006. Vol. 34 (100). Pp. 363–381.

Chambert-Loir H. Sebuah Keluarga Pengarang Abad Ke-19. *Katalog Naskah Pecenongan Koleksi Perpustakaan Nasional. Sastra Betawi Akhir Abad ke-19*. Jakarta: Perpustakaan Nasional Republik Indonesia, 2013. Pp. 3–35.

Chambert-Loir H. *Iskandar Zulkarnain, Dewa Mendu, Muhammad Bakir dan Kawan-Kawan: Lima Belas Karangan Tentang Sastra Indonesia Lama*. Jakarta: Kepustakaan Populer Gramedia, 2014.

Hikayat Si-Miskin. Uitgegeven door. J.S.A. Van Dissel. Leiden: Brill, 1897.

Kozok U. *Indonesian Native Speakers – Myth and Reality*. 2016. <https://indonesian-online.com/wp-content/uploads/2016/08/Native-Speakers.pdf> (accessed: 24.12.2025).

Levathes L. *When China ruled the seas: The Treasure Fleet of the Dragon Throne, 1405–1433*. New York: Oxford University Press, 1966.

Lombard D. *Le Carrefour Javanais. Essai d'Histoire Globale*. Vol. II. Les Reseaux Asiatiques. Paris, Ecole des hautes Etudes en Sciences Sociales, 1990.

Lombard D., Salmon C. *Les Chinois de Jakarta. Temples et Vie Collective*. Paris : S.E.C.M.I, 1977. 368 p.

Ong Tae Hae. *The Chinaman Abroad, or A Desultory Account of the Malayan Archipelago, Particularly of Java*. W.H. Medhurst (tr.) Shanghai: Mission Press, 1849. 104 p.

Muhajir. Sastra Tulis Melayu Klasik Betawi. *Bunga Rampai Sastra Betawi*. Jakarta: Dinas Kebudayaan dan Permuseuman Propinsi DKI, 2002. Hlm. 1–73.

Proudfoot I. Concordances and Classical Malay. *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde*. 1991. Deel 147, 1ste Afl. Pp. 74–95.

Rukmi M.I. *Penyalinan Naskah Melayu di Jakarta pada abad XIX: naskah Algemeene Secretarie kajian dari segi kodikologi*. Jakarta: Fakultas Sastra, Universitas Indonesia, 1997.

Voorhoeve P. List of Malay Manuscripts which were formerly kept at the General Secretariat in Batavia. *Archipel. Etudes interdisciplinaires sur le Monde Insulindien*. 1980. No. 20. Pp. 71–77.

Wieringa E.P. *Catalogue of Malay and Minangkabau manuscripts in the Library of Leiden university and other collections in the Netherlands*. Leiden: Leiden University Library, 1998.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ГОРЯЕВА Любовь Витальевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Liubov V. GORYAEVA, PhD (Philology), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.